Hegymen DAMASKIN (ORLOVSKY),

Moscow, Russian Federation

ISSUES OF CANONIZATION OF LOCALLY VENERATED NEW MARTYRS IN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH OUTSIDE RUSSIA

Игумен ДАМАСКИН (ОРЛОВСКИЙ),

г. Москва, Российская Федерация

ПРОБЛЕМАТИКА КАНОНИЗАЦИЙ МЕСТНОЧТИМЫХ НОВОМУЧЕНИКОВ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ

Abstract

The article addresses the issue of canonization of new martyrs of the Russian Orthodox Church, specifically canonization of locally venerated saints canonized by the Russian Orthodox Church Outside Russia. In 1990s the canonization of new martyrs and confessors was not only church-wide, but also local, and both were interlinked with political processes of the time. As new martyrs and confessors, both clergy and laity, were victims of the repressions, materials on them have become available only after 1991. This is the major factor in canonization of the suffered clergy and laity. After signing the Act of Canonical Communion in 2007 the Russian Orthodox Church Outside Russia became a self-governing part of the Russian Orthodox Church and there emerged a need to study the canonizations enacted abroad. The study shows that the Russian Orthodox Church Outside Russia did not practice canonization on stand alone basis, and its Menologion contained names of new martyrs canonized by the Russian Orthodox Church as well as those of uncanonized victims. Drawing on representative data the author concludes by pointing out the moral aspect of the issue and warns that the Menologion of the Russian Orthodox Church Outside Russia may list sufferers of unknown life circumstances hindering their canonization.

Аннотация

В статье рассматривается актуальная проблема канонизации новомучеников Русской православной церкви применительно к местночтимым святым, канонизованным Русской православной церковью заграницей. В 1990-е гг. канонизация новомучеников и исповедников российских совершалась в рамках не только общецерковных, но и местных канонизаций, и была так же, как и общецерковная, тесно связана с имевшимися тогда политическими процессами. Поскольку новомученики и исповедники относились к священнослужителям и мирянам, пострадавшим в годы репрессий, материалы о них стали доступны для исследователей только после 1991 г., что является основополагающим фактором при рассмотрении канонизации пострадавших священнослужителях и мирян. После подписания в 2007 г. акта о каноническом общении, когда Русская православная церковь заграницей стала самоуправляемой частью Русской православной церкви, возникла необходимость исследования совершенных Русской православной церковью заграницей канонизаций. Исследование вопроса показало, что поименной канонизации Русская православная церковь заграницей не совершала, а издаваемый ею календарь наполнялся именами как канонизованных Русской православной церковью новомучеников, так и неканонизованных пострадавших. Опираясь на репрезентативную источниковую базу, автор в заключение обращает внимание на нравственный аспект проблемы, предупреждая, что среди включенных в

месяцесловы Русской православной церкви зарубежом имеются имена пострадавших, обстоятельства жизни которых по существу не известны и могут содержать в себе факты, препятствующие канонизации.

Keywords

Russian Orthodox Church, the Russian Orthodox Church Outside Russia, canonization, new martyrs, repressions, clergy, Orthodox calendar.

Ключевые слова

Русская православная церковь, Русская православная церковь заграницей, канонизация, новомученики, репрессии, духовенство, православный календарь.

При изучении канонизации новомучеников Русской православной церкви необходимо затронуть вопрос и о канонизации местночтимых новомучеников, неразрывно связанный с тем историческим контекстом, в котором развивались взаимоотношения Церкви и государства в советский период. После воссоединения в 2007 г. Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ) с Русской православной церковью возник вопрос согласования календарей, в связи с чем стало актуально изучение совершенных РПЦЗ канонизаций новомучеников как местночтимых святых.

Институт канонизации местночтимых святых является составляющей частью канонизаций, совершаемых в Русской православной церкви по единым критериям канонизации. Однако проблематика местночтимых святых требует отдельного рассмотрения как имеющая свой порядок канонизации. В 1990-е гг. канонизация новомучеников и исповедников российских совершалась в рамках не только общецерковных, но и местных канонизаций, и была так же, как и общецерковная, тесно связана с имевшимися тогда политическими процессами. Поскольку новомученики и исповедники относились к священнослужителям и мирянам, пострадавшим в годы репрессий, материалы о них стали доступны для исследователей только после 1991 г.

События XX столетия, революция, смена политического строя, массовые репрессии, направленные против духовенства и мирян Русской православной церкви, процесс секуляризации, получивший системное оформление в XVII столетии, явились страшным ударом для Русской церкви и российской государственности. Последствия этих масштабных, из ряда вон выходящих, исключительных по своему значению для России событий, вряд ли могут быть вполне изжиты Российским государством и Русской церковью. Несмотря на то, что Русская православная церковь сохранила в годы репрессий каноническую преемственность, таинства и богослужение, на практике понимание целых областей церковной жизни к концу XX столетия уже было в значительной степени утрачено и, в частности, того, как и на каких основаниях в Русской церкви совершалось прославление святых и какой была церковно-правовая основа и практика канонизации. Все это явилось прямым следствием взаимоотношений Церкви и государства, когда, с одной стороны, оказались уничтоженными носители церковной традиции, с другой стороны, новые поколения церковных людей во время либерализации церковно-государственных отношений оказались в затруднительном положении перед поставленной задачей восстановления существовавшей традиции.

В Русской православной церкви, если говорить об эпохе вплоть до начала XX в., существовал определенный порядок причисления подвижников к лику святых как для местного, так и для общецерковного почитания. В соответствии с постановлением Священного собора Православной российской церкви о порядке прославления святых к местному почитанию от 3 сентября 1918 г., прославление угодника Божия к местному почитанию в Русской церкви совершается Патриархом и Священным синодом, а канонизация к общецерковному почитанию – Архиерейским собором. Однако, ввиду изменившихся политических условий и общего изменения положения Русской православной церкви в советской России, включая юридически-правовое, канонизации с 1919 г. по 1987 г. не могли совершаться в соответствии с ранее принятым Русской православной церковью порядком. Канонизации новомучеников и исповедников российских как для общецерковного, так и для местного почитания стали совершаться лишь после изменения государственного строя в 1991 г.

После того, как 17 мая 2007 г. в Храме Христа Спасителя в Москве Патриарх Московский и всея Руси Алексий ?? и первоиерарх Русской православной церкви заграницей митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Лавр (Шкурла) подписали акт о каноническом общении, гласящий, что «Русская Православная Церковь Заграницей пребывает неотъемлемой самоуправляемой частью Поместной Русской Православной Церкви», стало необходимым исследование о канонизованных РПЦЗ святых. В 1964 г. РПЦЗ канонизовала протоиерея Иоанна Кронштадтского, в 1978 г. – блаженную Ксению Петербургскую. Обе канонизации не были признаны Русской православной церковью как вследствие отсутствия канонического общения, так и вследствие канонического нарушения, когда РПЦЗ канонизовала подвижников, подвизавшихся за пределами ее канонической территории. Русской церковью блаженная Ксения Петербургская была канонизована в 1988 г., а протоиерей Иоанн Кронштадтский – в 1990 г. В 2000 г. РПЦЗ, не признав канонизаций, совершенных Русской православной церковью в 1988 и в 1994 гг., совершила канонизацию епископа Игнатия (Брянчанинова), епископа Феофана Затворника и митрополита Московского Филарета.

В первый раз вопрос о канонизации новомучеников Русской православной церковью заграницей был поднят в 1971 г. на ее Архиерейском соборе, принявшем следующую резолюцию: «Архиерейский Собор с благоговением преклоняется перед священным подвигом Российских новомучеников и сочувствует их прославлению». Из документа следует, что Зарубежная церковь не собиралась в то время канонизировать новомучеников, выразив лишь сочувствие возможному их прославлению. В 1974 г. Архиерейский собор Зарубежной церкви снова поднял вопрос о канонизации новомучеников, но ограничился относительно данного вопроса лишь подтверждением резолюции предыдущего Собора. И для этого были веские причины. В среде самой Зарубежной церкви многие люди горячо возражали против этого прославления, считая, что «не маленькой Русской Зарубежной Церкви браться за него», что надо подождать того времени, пока сама Русская Православная Церковь, освободившись от безбожников, совершит канонизацию.

Было и еще одно весьма серьезное обстоятельство, которое делало канонизацию новомучеников Русской православной церкви заграницей, по меньшей мере, сомнительной. В период обсуждения вопроса о канонизации новомучеников в 1981 г. сама Зарубежная церковь свидетельствовала, что среди ее паствы в действительности отсутствовало почитание новомучеников: «ни старшее поколение не молилось им, ни те, у кого они учились. За границей призыв Всероссийского Священного Собора 1917–1918-го гг. оставался до недавнего времени не услышанным». Как свидетельствовала сама Зарубежная церковь, пострадавшие во время гонений предавались ее забвению почти 50 лет, так что и панихиды по ним не служились, как это было установлено Священным собором 1917–1918 гг., разве что частным образом отдельными лицами по пострадавшим родственникам. Причем, это происходило в

условиях, когда отсутствовали гонения со стороны государства, что убедительно свидетельствует о том, что почитания пострадавших священнослужителей и мирян как новомучеников среди членов Русской Православной Церкви Заграницей не было.

Аргументом в пользу канонизации стали письма проживавших в Советском Союзе клириков Русской православной церкви. 29 октября 1979 г. в г. Бостоне в США при Богоявленском храме Русской православной церкви заграницей состоялось собрание, посвященное дню Скорби и Непримиримости, которое приняло резолюцию, направленную затем первоиерарху Русской православной церкви заграницей митрополиту Восточно-Американскому и Нью-Йоркскому Филарету (Вознесенскому): «собрание поддерживает мнение о. Димитрия Дудко о прославлении новомучеников Российских, выраженное им в письме к священнику Русской Зарубежной Церкви», предлагая, несмотря на нахождение РПЦЗ за рубежом, все же произвести канонизацию, «так как она является свободной в своем волеизъявлении неотделимой частью Русской Православной Церкви». Последнее нельзя назвать на тот момент вполне верным, т.к. еще в 1962 г. глава РПЦЗ митрополит Антоний (Грибановский) в своем обращении к русскому народу призвал его не посещать храмов Русской православной церкви с ее клириками, порабощенными коммунизмом.

В 1980 г. под Нью-Йорком состоялся четвертый съезд русской православной общественности. Одним из обсуждавшихся на нем вопросов был вопрос о канонизации новомучеников, который внес в то время разделение в общество, в особенности, предложение о канонизации царской семьи, где мнения резко разошлись. Одни считали, что акт канонизации царской семьи будет воспринят как акт политический, так как царь и его семья были убиты не за веру в Бога, а потому, что являлись символом старой России, другие считали, что члены царской семьи должны быть прославлены как «страстотерпцы-мученики Приверженцы этого взгляда указывают на пример причисленных к лику святых в древности свв. князей и страстотерпцев Бориса и Глеба».

В апреле 1981 г. в официальном печатном органе Русской православной церкви заграницей «Православная Русь» появилась статья: «К прославлению новомучеников Российских 19-го октября (1-го ноября) 1981 г.», имевшая в значительной степени программный характер и представляющая особенный интерес для изучения вопроса, как, когда, каким образом и кто именно предполагался быть канонизованным из пострадавших в годы репрессий в Советском Союзе. Из нее мы узнаем, что «в России, за шестьдесят с лишком лет режима безбожников, миллионы людей погибли несправедливой смертью, были убиты только за то, кем они были – православными христианами. Их количество так велико, что невозможно охватить умом, понять сердцем все их мучения. Мы можем воспринять только некоторые примеры для нашего просвещения». То есть, как бы предполагалась не поименная канонизация, а

безымянная миллионов новомучеников, где только некоторые имена были бы озвучены, впрочем, и в этом случае не в качестве канонизованных Церковью, а лишь для сведения. Были названы имена протоиерея Иоанна Кочурова, митрополитов Владимира (Богоявленского), Вениамина (Казанского) и Патриарха Тихона. Причем, о Патриархе Тихоне говорилось, что «почитание Патриарха Тихона продолжается и по сегодняшний день. Это ярче всего доказывает тот факт, что бескомпромиссная Катакомбная Церковь называет себя последовательницей патр[иарха] Тихона, в отличие от Сергианской церкви, т.е. современного Московского патриархата, идущего ради самосохранения на компромиссы с безбожниками». В числе кандидатов предполагавшейся канонизации было названо и имя императора Николая II, который именовался то великомучеником, то мучеником, то страстотерпцем; основанием для его прославления считалось наличие якобы аналогии с прославлением князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Секретарь Архиерейского синода епископ Григорий (Граббе), имея в виду святых князей Бориса и Глеба, пишет, высказывая при этом в научном отношении несостоятельное предположение о мотивах их убийства: «Они не боролись за власть с Святополком Окаянным, но тот убил их, опасаясь препятствия с их стороны для возвращения Руси к язычеству. Они никак не помышляли о вооруженной борьбе, а пострадали за идею христианского государства...». Упорно проводимая мысль о том, что Церковь прославила в свое время князей-страстотерпцев за их насильственную кончину, является следствием скорее самовнушения, нежели фактов действительности. Уже в конце Х?Х в. один из лучших российских агиографов профессор Е.Е. Голубинский считал эти суждения несостоятельными, указывая, что «в самой истории причисления Бориса и Глеба к лику святых совершенно ясно дается знать, что они причислены к лику святых не как страстотерпцы, а как чудотворцы», причем следует напомнить, что в Православной церкви страстотерпчества, как отдельного христианского подвига, не существует, не существует соответственно и такого чина.

Всякая канонизация предполагает, прежде принятия официального акта канонизации, выполнение некоторых обязательных условий. Они несколько различны при канонизации подвижников благочестия, где канонизация может совершиться только в том случае, если имеются посмертные чудотворения, и новомучеников – в том случае, если достоверно известно о фактах исповедничества. Эти условия зафиксированы в практике канонизаций, совершавшихся в Русской православной церкви, а также в принятых Священным Синодом документах. Однако следует отметить, что до 1917 г. в Русской церкви мученики, как и подвижники благочестия, прославлялись по факту чудотворений за отсутствием гонений Церкви государством.

Существенным условием для канонизации мучеников в древней Церкви являлось наличие основания для канонизации, находящее свое отражение в документальных источниках; источники могли быть устными и письменными, это могли быть мученические акты или рассказы свидетелей мученической кончины христианина. А если говорить о современной эпохе канонизации новомучеников, пострадавших в XX столетии, это

должны быть изученные и проанализированные документы судебно-следственных дел или, относительно пострадавших в 1918–1920 гг., достоверные свидетельства об исповедничестве и достойном поведении христианина перед смертью. Каким бы ни был первоначальный источник информации, содержащиеся в нем сведения, рассматриваемые в качестве основания для канонизации, не должны быть мифическими. В отличие от назидательной литературы, все материалы, касающиеся канонизации, предполагают описание только того, что было в действительности, так как в данном случае речь идет о жившем человеке и совершившихся фактах. По свидетельству готовивших канонизацию новомучеников в Русской зарубежной церкви, документами для нее послужили материалы из 1-го и 2-го томов книги протопресвитера Михаила Польского «Новые мученики Российские», изданных в 1949 и в 1957 гг. Однако сведения о новомучениках, помещенные в этой книге, далеко не всегда достоверны, что является вполне естественным, так как автор в большинстве случаев не имел возможности проверить то, что ему сообщалось, да и не претендовал на абсолютную достоверность всего им написанного. Протопресвитер Михаил Польский не имел доступа к архивам, и потому недостатки его книги вполне извинительны, но основанием для канонизации при добросовестном научно-церковном подходе книга служить не может.

Признавая, что далеко не все убитые во время революции и в послереволюционное время могут быть названы мучениками за Христа, один из инициаторов зарубежной канонизации, архиепископ Женевский и Западно-Европейский Антоний (Бартошевич), писал, что мучениками можно «назвать только тех, жизнь которых, как благочестивых христиан, хорошо известна Церкви, так же, как и несомненна кончина их за веру во Христа». Однако ясно, что ни жизни пострадавших в советской России, ни тем более обстоятельств их кончины эмигранты и их потомки знать не могли. Канонические препятствия, заключающиеся в неправомерности канонизации подвизавшихся и пострадавших на другой канонической территории, архиепископ Антоний предполагал преодолеть ссылкой на то, что в древности «признание мученика святым не требовало официальной санкции церковной власти». Однако, для XX столетия подобного рода аргументы не могут быть состоятельными, так как Русская православная церковь имела уже в это время сложившуюся практику принятия решений в области канонизации, и не было никаких оснований возвращаться в эпоху до начала бытия Русской церкви. Не преодолено было и отсутствие у Зарубежной церкви достоверных свидетельств о пострадавших за веру в советской России.

Некоторые представители Зарубежной церкви говорили в 1981 г. и о следующей форме канонизации. Предположив, что в Советском Союзе существует некая, не имеющая определенных канонических форм «катакомбная Церковь», они предполагали, что она и совершит канонизацию, приводя пример трех пострадавших, якобы причисленных ею к лику святых. «Церковно-народное сознание тайной, Катакомбной Церкви причислило всех трех к лику святых мучеников», – пишет автор статьи в официальном церковном

печатном органе Русской православной церкви зарубежом. Для РПЦЗ того времени было свойственно идеологически подходить к некоторым церковно-историческим вопросам, когда становилось затруднительным проведение предваряющих канонизацию объективных научных исследований. Бежавший из СССР протоиерей В. Виноградов, хорошо знавший церковную жизнь в советской России, отмечал, что возглавлявшему Зарубежную церковь митрополиту Анастасию и подчиненным ему иерархам хотелось жить легендой о будто бы существовавшей в России многочисленной катакомбной Церкви, выдавая желаемое за действительное. Беженка из СССР Н. Китер жаловалась в свое время митрополиту Анастасию, что «Православная Русь» «перевирает ее статьи о подвижниках и мучениках среди духовенства “сергианской” Церкви, превращая их в катакомбников, отвергающих Московскую Патриархию, и что в ответ на ее протесты редакция “Православной Руси” ответила: “Правда для церковного дела в Америке крайне вредна”».

В течение всего своего существования Русская православная церковь имела четкий канонически-правовой механизм канонизации святых как для общецерковного почитания, так и для местного. Представление, что существует какой-то иной механизм канонизации, есть, по выражению профессора Е.Е. Голубинского, ничто иное как «научный мираж».

При обсуждении вопроса о канонизации новомучеников в самой Зарубежной церкви всегда высказывались весьма серьезные возражения: «может ли прославление быть совершено частью Русской Поместной Церкви, находящейся за границей?». РПЦЗ видела оправдание своих действий лишь в том, что Русская православная церковь «обезглавлена, рассеяна, не имеет свободно действующих и учащих епископов. Она подавлена глухим молчанием. Нет соответствующего церковного органа, который мог бы совершить официальный акт канонизации». Осознавая шаткость своих позиций в этой области, Архиерейский синод РПЦЗ заявил, что прославление новомучеников Зарубежной церковью может быть не окончательным, что «официальный акт о канонизации от всей Русской Церкви последует после ее освобождения от гонений». Зыбкость и неопределенность этой неудачной попытки канонизации была отмечена в свое время протоиереем Александром Шмеманом: «Все заливающая суматоха в связи с приближающимся днем прославления “новомучеников” и царской семьи, – писал он. – Получил доклад по этому вопросу архиепископа Антония Женевского. Поражает в нем, да и в других карловацких документах какой-то тон самозащиты, самооправдания, ответа кому-то, уговаривания. Казалось бы, если ты уверен – то радуйся и восхваляй Бога. А тут все время тайная полемика».

Русская зарубежная церковь пыталась преодолеть это смущающее ее членов положение следующим аргументом: о канонизации просят из России; то есть,

канонизация совершается по просьбе небольшой группы лиц, которая каким-то странным образом заместила всю Русскую православную церковь. В большинстве документов и статей, опубликованных в период подготовки канонизации, называются священники Димитрий Дудко и Глеб Якунин, а сама канонизация мыслится как исполнение данного ими поручения: «Они и поручают нам сделать то, что необходимо для них и для нас Сделать то, что они не могут сделать там сами из-за преследований. Они, сами стоящие на путях мученических, властны давать нам такое поручение».

Насколько сомнительной в каноническом отношении видели канонизацию новомучеников представители Зарубежной церкви и соответственно существенным для оправдания этого акта обращение частных лиц из России видно из того, что они предприняли специальные усилия после того, как один из обращавшихся к ним с просьбой о канонизации, будучи арестован, под давлением следствия взял свои слова обратно. «Те чаяния, которые связаны в России с прославлением новомучеников и которые так ярко были высказаны о. Димитрием Дудко, – пишет секретарь Архиерейского синода епископ Вашингтонский и Флоридский Григорий (Граббе), – не исчезнут от того, что его силы не выдержали натиска безбожников из КГБ в соединении с Московской Патриархией. Впрочем, такие же чаяния были высказаны и не сдавшимся о. Глебом Якуниным. Быть может, он устоял именно потому, что много яснее о. Димитрия видел и ощущал глубину падения Патриархии. Видел ее и о. Димитрий, но, судя по всему, не так глубоко, как внимательно изучивший этот вопрос о. Глеб Якунин».

В официальном акте канонизации (при отсутствии имен канонизуемых), подписанном председателем Архиерейского собора митрополитом Восточно-Американским и Нью-Йоркским Филаретом (Вознесенским) и 14 архиереями, снова делается ссылка на то, что канонизация совершается по просьбе некоторых лиц живущих в России. Ни в документе, подписанном участвовавшими в Соборе архиереями, ни в отдельном, посвященном этому событию послании митрополита Филарета, за исключением царской семьи, нет ни одного конкретного имени из канонизируемых, что является уже само по себе небывалым явлением для канонизации, всегда прославляющей конкретных лиц.

Подводя итоги изучению вопроса, связанного с «канонизацией новомучеников» Русской православной церковью заграницей, председатель Синодальной комиссии по канонизации святых митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий сообщил на проходившем 24–29 июня 2008 г. Архиерейском соборе Русской православной церкви: «Критерии и методы, с которыми Русская Православная Церковь подходит к поименной канонизации новомучеников, известны. Синодальная комиссия по канонизации святых получила доступ в государственные и ведомственные архивы. Мы познакомились с материалами следственных дел; принцип работы нашей Комиссии – тщательное изучение всей жизни пострадавшего за веру от момента рождения до принятия

мученической кончины. Оказалось, что целый ряд пострадавших по тем или иным каноническим и нравственным причинам не мог быть включен в Собор новомучеников и исповедников Российских. Русская Зарубежная Церковь, прославляя новомучеников, не могла иметь доступа к мученическим актам и, следовательно, можно предположить, не располагала тогда полными материалами по этому вопросу и как таковую поименную канонизацию не осуществляла»; что впоследствии подтвердил первоиерарх Зарубежной церкви митрополит Лавр, сообщивший митрополиту Ювеналию об отсутствии документальных оснований для рассмотрения вопроса о канонизации новомучеников: «Мы пользовались советскими газетами, сведениями о расстрелах и репрессиях, которые до нас доходили». На иконе новомучеников, написанной к торжествам канонизации 1981 г., оказались изображены во многом совершенно иные лица, нежели те, что попали в издававшиеся Зарубежной церковью месяцесловы, что также свидетельствует об отсутствии поименной и основанной на документах канонизации.

Существенным в анализе такого явления как «канонизация новомучеников» в РПЦЗ, является изучение печатавшихся ею после 1981 г. месяцесловов, куда должны были бы вноситься имена новоканонизированных святых, которые, однако, в месяцесловах отсутствовали. Через год после Собора 1981 г. в месяцеслове РПЦЗ указаны только память митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского) и царственных страстотерпцев и обозначена общая память празднования Собора новомучеников. В 1984 г. в месяцеслов было внесено 30 имен, и в последующие годы число их оставалось в месяцесловах неизменным, вплоть до 2004 г. В месяцеслове 2005 г. их стало 56. После подписания в 2007 г. акта о каноническом единстве календарь РПЦЗ стал бессистемно наполняться именами как канонизованных Русской православной церковью новомучеников, так и неканонизированных пострадавших. Изучение проблематики такой категории святых как новомученики показало, что поименной канонизации новомучеников Русской православной церковью заграницей не совершалось за отсутствием достоверных сведений о них, а также и за отсутствием самого церковного акта с прописанными в нем именами. Все пользующиеся этими месяцесловами должны отдавать себе отчет, что, поминая те или иные имена, как якобы имена прославленных Церковью святых, они среди прочих поминают и лжесвидетелей, и снявших с себя сан, и агентов госбезопасности, которые вряд ли кому смогут помочь, если кто-то к ним обратится с молитвой, потому что в дни своей земной жизни они не смогли помочь даже себе.

References

1. Golubinskij E. Istorija kanonizacii svjatyh v Russkoj Cerkvi. [History of canonization in the Russian Church]. Moscow, 1998.

2. Kashevarov A.N. “Pravoslavnaja Rus'” – “Cerkovno-obshhestvennyj organ” Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi Zagranicej. ["Orthodox Russia", a "Church and civic agency" of the Russian Orthodox Church Abroad]. Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii, vol. 10, part. 1, pp. 75-88.

3. Svjashhennyj Sobor Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi. Sobranie opredelenij i postanovlenij. Vyp. 4 [Sacred Cathedral of the Orthodox Russian Church: Codex of definitions and resolutions. Vol.4]. Moscow, 1918, pp. 25-26.

4. Shmeman Aleksandr, protoierej. Dnevniki. 1973-1983. [Diaries: 1973-1983.]. Moscow, 2005.

Список литературы

1. Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. - М., 1998.

2. Кашеваров А.Н. «Православная Русь» – «Церковно-общественный орган» Русской Православной Церкви Заграницей // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. - 2009. - Т. 10. Вып. 1. - С. 75-88.

3. Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 4. - М., 1918. - С. 25–26.

4. Шмеман Александр, протоиерей. Дневники. 1973–1983. - М., 2005.

About authors

Hegumen Damaskin (Orlovskiy Vladimir Aleksandrovich), PhD in History, cleric of the Moscow Patriarchate, executive secretary of the Church and Civic Council under the Patriarch of Moscow and All Russia on Glorification of New Martyrs and Confessors of the Russian Church, Moscow, Russian Federation, +7-916-902-79-57, usr04@mail.ru

Сведения об авторах

Игумен Дамаскин (Орловский Владимир Александрович), кандидат исторических наук, клирик Московского Патриархата, ответственный секретарь Церковно-общественного совета при Патриархе Московском и всея Руси по увековечению памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской, г. Москва, Российская Федерация, 8-916-902-79-57, usr04@mail.ru

You can read completely article in the russian historic-archival magazine “The Herald of an Archivist”. Read more about terms of subscription here .

Полностью материал публикуется в российском историко-архивоведческом журнале ВЕСТНИК АРХИВИСТА. Ознакомьтесь с условиями подписки здесь .